

— Нет...

Цинь Сяояо слегка опустила ресницы.

— Ты... важнее их.

Если бы эти слова прозвучали несколько лет назад или даже вчера, они шли бы из глубины души, в них не было бы ни капли фальши.

Ради защиты той робкой младшей соученицы она без колебаний шла наперекор старшим и спорила с другими адептами.

Но что теперь? В этом больше не было никакого смысла.

— Ох-х... — тихонько усмехнулась Цзян Ханьюй. — Малышка Сяо теперь умеет лгать... и глазом не моргнув.

Она протянула указательный палец и легко коснулась слегка побледневшей щеки Цинь Сяояо. Кончик её пальца был ледяным.

— Впрочем, — её тон резко сменился, став почти блаженно-нежным, — я всё равно буду верить.

Сердце Цинь Сяояо резко сжалось.

Она не могла понять, шутит Цзян Ханьюй или говорит всерьёз.

— Разве Сяо не хотела узнать, почему я так поступаю?

Цзян Ханьюй убрала руку и повернулась спиной к залитому белизной цветущих гардений двору; в лунном свете её тёмно-черные одежды казались окаймлёнными прохладным серебристым сиянием.

— В обмен, — она слегка повернула голову, глядя на Цинь Сяояо, а уголки её губ изогнулись в соблазнительной улыбке, — сыграй мне ещё одну мелодию.

— Как раньше. Только для меня одной.

Это была не просьба, а обёрнутое в сладость условие сделки.

Цинь Сяояо не стала колебаться и кивнула:

— Хорошо.

Она уселась на чистые зелёные каменные ступени в самом центре двора, положив гучжэн Плывущие Облака поперёк колен.

Её пальцы скользнули по струнам, извлекая несколько слабых, чистых звуков.

На этот раз она играла мелодию, пронизанную лёгкой грустью и бесконечной далью.

Звуки цитры журчали, подобно горному ручью под луной, тихо струясь по безмолвному двору.

Цзян Ханьюй не стала подходить ближе — лишь присела на каменный табурет неподалёку, подперев щеку рукой, и молча стала слушать.

Лунный свет падал на её поразительно прекрасное лицо, не выражавшее абсолютно ничего.

— Секта Юйцин... причиняет мне столько хлопот только потому, что в ней есть ты.

Голос Цзян Ханьюй зазвучал в унисон с музыкой.

— По крайней мере, после того как ты привела меня внутрь, открытых издевательств стало намного меньше.

— Впрочем, к самой секте я ничего не чувствую.

Она легко рассмеялась.

— Только из-за того, что ты, Сяо, находишься там, мне приходится... подыгрывать тебе.

Пальцы Цинь Сяояо едва заметно сбились, и одна нота чуть не фальшивила.

Она заставила себя взять себя в руки; музыка не прервалась, но уши её обратились в слух.

— Я делаю это... — продолжала Цзян Ханьюй, её голос всё так же звучал мягко, — потому что она мне нужна. Нужна как ступенька, которая поможет мне достичь... одной цели.

Одной цели?

Поскольку Цинь Сяояо не успела дочитать книгу до конца, а в первоисточнике всё было подано лишь как мимоходная прелюдия, она понятия не имела, о чём речь.

Цзян Ханьюй посмотрела на Цинь Сяояо.

— Сяо ведь знает, для чего нужен этот Кровавый Массив Очищения?

Не дожидаясь ответа, она продолжила сама, и в её тоне проскользнула нотка наивной жестокости:

— Снаружи есть ещё один слой. Я переплавлю всех в Секте Юйцин, кроме тебя.

— Их кровь, их души и даже основы их совершенствования станут пищей для достижения моей цели.

Пальцы Цинь Сяояо резко дрогнули!

— Цзнь-нь! — фальшивая, режущая слух нота резко оборвала плавность мелодии.

— П-прости! — торопливо извинилась она, лихорадочно выравнивая инструмент, не в силах унять дрожь в голосе.

Кроваво-Очищающий Запечатывающий Барьер... в оригинальном романе Цзян Ханьюй использовала его для кровавого жертвоприношения всей секты ради постижения запретных демонических искусств.

Конечно же, она знала об этом!

Цзян Ханьюй, казалось, ничуть не заботилась о столь мелкой оплошности и не стала корить Цинь Сяояо.

— Есть ещё кое-что, о чём я пока не могу тебе рассказать.

Она слегка нахмурилась, словно испытывая некоторое затруднение.

— Потому что ты, Сяо, узнав об этом, можешь мне помешать.

— Хотя сейчас ты вряд ли сможешь мне помешать, я не хочу рисковать.

Пальцы Цинь Сяояо замерли на струнах — играть дальше она уже не могла.

Звуки цитры оборвались на полуслове, оставив лишь стук её собственного бешено бьющегося сердца.

Она медленно подняла голову, глядя на эту прекрасную, но бездонную, как пропасть, фигуру, и горько усмехнулась:

— Тогда почему... почему ты не избавишься от меня?

В её голосе звучало и непонимание, и доля самоиронии.

— Судя по твоим словам, я всего лишь инструмент для достижения твоей цели, ступенька, а то и помеха.

Услышав это, Цзян Ханьюй вновь улыбнулась той самой непостижимой улыбкой.

— Потому что раньше ты была мне полезна.

И очень важна...

Её честность граничила с жестокостью.

— А теперь? Сяо, ты по-прежнему особенная.

Она поднялась на ноги, неспешно подошла к Цинь Сяояо и посмотрела на неё сверху вниз.

Мягкий свет утренней зари, поднимающейся из-за горизонта, был заслонён её фигурой, погружая девушку в тень.

— Впрочем, если подумать, — внезапно улыбнулась Цзян Ханьюй. — Шэнь Циньюэ ведь была права.

— Я действительно неблагодарная волчица... Хм, точнее будет сказать:

— я прирожденная злодейка.

Она наклонилась, оказавшись лицом к лицу с Цинь Сяояо.

— На самом деле, Сяо, когда я увидела тебя впервые и ты протянула мне еду, моей первой реакцией была вовсе не благодарность, а...

Она замолчала, склонившись к самому уху Цинь Сяояо, и шепнула едва слышным шёпотом:

— Желание ударить тебя сзади, убить, а потом забрать всё ценное, что на тебе есть.

Выражение лица Цинь Сяояо застыло.

Дыхание Цзян Ханьюй касалось её ушной раковины.

— Ведь мне не привыкать так поступать.

Тон Цзян Ханьюй оставался ровным, словно она говорила о чём-то самом обыденном.

— Чтобы выжить, чтобы не умереть от голода и холода или не быть забитой до смерти другими, более свирепыми нищими...

— Иногда приходится кое-что красть у чужих людей.

— Если жертва обнаружит пропажу и начнет кричать, привлекая лишние проблемы... проще всего заставить её замолчать навсегда.

Она улыбнулась, и эта улыбка была одновременно невинной и жестокой.

Сердце Цинь Сяояо бешено колотилось в груди, грозя проломить горло.

Она вспомнила ту худенькую, грязную Сяо Юй со взглядом испуганного зверька в день их первой встречи...

Неужели с самого начала за этим скрывались столь ледяной расчёт и жажда убийства?

Не мудрено, что в конце концов она стала владыкой демонической сектантской пасти.

— Т-тогда почему? — услышала Цинь Сяояо собственный пересохший голос. — Сяо Юй, почему ты тогда не сделала этого?

Цзян Ханьюй выпрямилась, склонив голову набок, будто раздумывая над интересной загадкой.

Казалось, она и сама испытывала некоторое недоумение.

— Потому что ты действительно была другой.

Её взгляд упал на лицо Цинь Сяояо.

— Хотя я уже тогда понимала, что ты приближаешься ко мне и помогаешь тоже ради какой-то собственной выгоды.

— Но я всё равно хотела тебя, — в её голосе зазвучали нотки собственности. — Я хотела, чтобы ты смотрела на меня, улыбалась мне и дарила то тепло и заботу, которых у меня никогда не было.

— Даже если я знала, что всё это может быть фальшивкой или преследовать какую-то цель.

Одержимость Цзян Ханьюй граничила с детским упрямством.

— Это чувство было таким новым, оно было куда интереснее, чем убийства ради добычи или банальное выживание.

На самом деле, было ещё кое-что, чего Цзян Ханьюй не рассказывала Цинь Сяояо — то, чего она сама не могла до конца понять.

В тот грязный и холодный снежный вечер, когда она впервые увидела Цинь Сяояо и та протянула руку к сжавшейся в углу девочке...

В тот самый миг её сердце словно обожгло или сильно толкнуло изнутри что-то неведомое.

Это было не умиление.

А какое-то... беспричинное чувство неполноты.

Словно она забыла о чём-то бесконечно важном, о чём-то, о чём впоследствии горько пожалела бы.

Схватить её, удержать рядом — это было важнее любой мести!

Эта беспричинная одержимость заставила её впервые в жизни протянуть руку к своей «добыче» без малейшего намерения убивать.

Но вместе с тем это проросло, пустило корни и стало уродливо развиваться параллельно с её нарастающей паранойей и собственническим инстинктом по отношению к Цинь Сяояо.

Цзян Ханьюй снова наклонилась, оперевшись обеими руками в каменные ступени по обе стороны от Цинь Сяояо и загнав её в ловушку между собой и гучжэнем.

Расстояние между ними сократилось настолько, что они могли чувствовать дыхание друг друга.

Лучи возвращающегося заката вновь озарили невероятно красивое, захватывающее дух лицо Цзян Ханьюй.

— Так что, Цинь Сяояо...

Она назвала её по полному имени.

— Мне до сих пор ужасно любопытно.

— Чего же ты в конце концов... хотела получить от меня?

<http://bllate.org/book/19487/1910271>